

Научная статья
УДК 343.13
EDN: NSSXJK

Структура и особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР (1946-1991г.)

Анастасия Сергеевна Бердичевская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия,
tsvetkova.ns@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье предлагается структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР (1946-1991г.), объединяющая формально-юридические и политико-идеологические регуляторы в целостную систему. Актуальность исследования советского опыта обусловлена современными дискуссиями о допустимых пределах соединения правовых и политических средств в обеспечении государственной безопасности.

Цель статьи состоит в разработке структурной модели правового механизма охраны основ государственного строя СССР, позволяющей обосновать внутреннюю организацию, особенности его функционирования и взаимодействия структурных элементов.

Методы. Методологическую основу исследования составил системный подход, позволивший выявить устойчивые связи между уровнями и подсистемами механизма. Историко-правовой метод применен для выявления особенностей структуры правового механизма в исторической динамике. Формально-юридический метод использован для разграничения формально-определенных юридических предписаний и оценочных норм. С помощью метода правового моделирования построена структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР.

Результаты и выводы. Предложена структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР, включающая нормативный и ненормативный уровни и право-устанавливающую, институциональную и функциональную подсистемы, связанные прямыми и обратными связями. Нормативный уровень задает формальные рамки охранительной деятельности государства, ненормативный уровень определяет ее фактическое содержание под влиянием политико-идеологических регуляторов.

Под структурой правового механизма основ государственного строя СССР в исследовании понимается устойчивая организация данной системы, раскрывающая состав ее элементов, их иерархию и функциональные связи. Структурная модель может быть использована как теоретическая основа для историко-правового исследования эволюции правового механизма охраны основ государственного строя СССР в 1946-1991г.

Ключевые слова: правовой механизм, правовая охрана, основы государственного строя СССР, Советское государство, государственные преступления, государственная безопасность, структура правового механизма

Для цитирования: Бердичевская А.С. Структура и особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР (1946-1991г.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 80-90. EDN: NSSXJK

Original article

Structure and features of functioning of the legal mechanism for protecting the fundamentals of the state system of the USSR (1946-1991)

Anastasia S. Berdichevskaya

S Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,
tsvetkova.ns@bk.ru

Abstract.

Introduction.

The article proposes a structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR (1946-1991), combining formal-legal and political-ideological regulators into an integral system. The relevance of the study of the Soviet experience is due to modern discussions about the permissible limits of combining legal and political means in ensuring state security.

The **purpose** of the article is to develop a structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR, which makes it possible to substantiate the internal organization, features of its functioning and the interaction of structural elements.

Methods. The methodological basis of the study was a systematic approach, which made it possible to identify stable connections between the levels and subsystems of the mechanism. The historical-legal method is used to identify the features of the structure of the legal mechanism in historical dynamics. The formal legal method is used to distinguish between formally defined legal regulations and evaluative norms. Using the method of legal modeling, a structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR was built.

Results and conclusions. A structural model of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR is proposed, including normative and non-normative levels and law-establishing, institutional and functional subsystems connected by direct and feedback connections. The normative level sets the formal framework for the state's protective activities; the non-normative level determines its actual content under the influence of political and ideological regulators. In the study, the structure of the legal mechanism of the foundations of the USSR state system is understood as a stable organization of this system, revealing the composition of its elements, their hierarchy and functional connections. The structural model can be used as a theoretical basis for a historical and legal study of the evolution of the legal mechanism for protecting the foundations of the state system of the USSR in 1946-1991.

Key words: legal mechanism, legal protection, foundations of the state system of the USSR, Soviet state, state crimes, state security, structure of the legal mechanism

For citation: Berdichevskaya, A. S. Structure and features of functioning of the legal mechanism for protecting the fundamentals of the state system of the USSR (1946-1991). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 80-90. (In Russ). EDN: NSSXJK

Введение

В современных условиях, когда во многих странах мира пересматриваются подходы к обеспечению государственной безопасности, а правоохранительные органы сталкиваются с разнообразными проявлениями экстремизма, обращение к историческому опыту соединения правовых и политических механизмов охраны государственных устоев приобретает особое значение.

Правовой механизм охраны основ государственного строя СССР сочетал юридические предписания с партийно-идеологическими установками. Такая двойственная природа не укладывается в рамки традиционного инструментального подхода и требует структурной реконструкции, позволяющей объяснить взаимодействие его элементов.

Научная значимость исследования состоит в разработке структурной модели механизма охраны основ государственного строя СССР, объединяющего формально-юридические и партийно-идеологические регуляторы. Реконструкция позволяет выявить системные связи между этими разнородными элементами и определить характер их взаимодействия в процессе охраны основ государственного строя СССР.

Исходя из этого **цель** статьи состоит в разработке структурной модели правового механизма охраны основ государственного строя СССР, позволяющей обосновать внутреннюю организацию, особенности его функционирования и взаимодействия структурных элементов.

Методологическую основу исследования составил системный подход, в рамках которого правовой механизм рассматривается как целостная система взаимосвязанных элементов. Его применение позволило не ограничиваться описанием отдельных институтов, а выявить устойчивые связи между уровнями и подсистемами рассматриваемого механизма.

С помощью историко-правового метода проанализированы законодательные акты, подзаконные и ведомственные документы, материалы правоприменительной практики, а также партийно-государственные решения в их хронологической динамике.

Формально-юридический метод использован для разграничения формально-определенных юридических предписаний и оценочных норм. С помощью метода правового моделирования построена структурная модель правового механизма охраны основ государственного строя СССР.

Дискуссия

Разграничение, учитывающее как нормативные, так и ненормативные, но институционально значимые регуляторы, отличает предлагаемый в исследовании теоретический подход от инструментального подхода к правовому механизму как системе юридических средств [1, с. 10,11].

Вышеназванные регуляторы существовали не обособленно. Они взаимодействовали, корректировали действие друг друга, образуя в совокупности два уровня организации рассматриваемого правового механизма. Критерием разграничения уровней выступает способ включения регулятора в правовой механизм охраны.

Нормативный уровень задавал формальные рамки охранительной деятельности, устанавливая, что именно запрещено, кто уполномочен применять меры принуждения и в каком процессуальном порядке. Поэтому его образуют формально закрепленные правовые предписания, действующие в силу их юридической обязательности.

На ненормативном уровне корректировалось фактическое содержание охранительной деятельности исходя из политико-идеологических приоритетов советской системы в отдельные исторические периоды. На этом уровне происходила корректировка охранительной деятельности в соответствии с политико-идеологическими установками, действовавшими в конкретный исторический период.

Без учета ненормативного уровня невозможно объяснить, почему при формальном провозглашении социалистической законности, фактическая охрана основ государственного строя могла осуществляться неюридическими способами. Как справедливо отмечает Т.М. Пряхина, охрана советской Конституции не сводилась к деятельности формальных государственных органов и правовых норм, но включала организационные меры, выходявшие за пределы собственно правового регулирования [2, с. 3]. Именно в этом состоит специфика советской модели охраны основ государственного строя. Правовое регулирование в СССР органически дополнялось и направлялось политико-идеологическим воздействием.

Это означает, что один и тот же орган, одна и та же процедура могли действовать как в рамках формальных предписаний, так и под влиянием политико-идеологических установок в зависимости от конкретной ситуации. Именно эта взаимосвязь обеспечивала целостность механизма и его способность адаптироваться к меняющимся политическим задачам.

В структуре механизма помимо уровней выделены три подсистемы. Основанием их выделения послужила неоднородность элементов, образующих правовой механизм охраны основ государственного строя СССР. В его составе выделены нормы, субъекты их реализации и процедуры осуществления охранительной деятельности, что обуславливает существование правоустанавливающей, институциональной и функциональной подсистем.

Правоустанавливающая подсистема закрепляла правовые основания охраны, определяя, что именно охраняется, какими средствами и какими органами. Для понимания данной подсистемы важное значение имеет разработанное Ю.Л. Шульженко понятие правовой охраны Конституции СССР как деятельности по обеспечению верховенства и соблюдения конституционных предписаний правовыми средствами [3, с. 10,11]. Ее содержание образует система правовых институтов и отдельных норм, регулирующих общественные отношения в сфере охраны основ государственного строя СССР.

К числу основных правовых институтов относятся институт конституционных основ государственного строя, закрепляющий политическую, экономическую и социальную основы Советского государства; институт государственных преступлений, содержащий составы посягательств на основы строя; институт внесудебных мер воздействия, регулирующий административную высылку и иные ограничения; институт органов охраны государственного строя, определяющий полномочия КГБ СССР, прокуратуры, судов и органов внутренних дел; институт партийно-государственно нормотворчества, включающий совместные акты ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Институциональная подсистема представляет собой совокупность государственных и партийных органов, общественных организаций. Каждый из названных субъектов выполнял собственные функции, но их деятельность была объединена общей задачей обеспечения устойчивости государственного строя. Такая постановка вопроса согласуется с подходом М.К. Исаковой, выделявшей в механизме Советского государства структурно-функциональные связи между системой государственных органов и иными элементами политической организации общества [4, с. 53].

Функциональная подсистема включает охранительные процедуры и способы деятельности, обеспечивающие охрану. Ее содержание образуют прокурорский надзор за исполнением законов об охране строя; процедуры, связанные с расследованием и судебным рассмотрением дел о государственных преступлениях; административно-юрисдикционные процедуры, с использованием которых осуществлялась высылка; оперативно-розыскные мероприятия в рамках законодательства о государственной безопасности; идеологическая профилактика, предполагающая контроль за средствами массовой информации и образованием; партийный контроль, осуществляемый путем проверок, кадровых чисток и назначений; внесудебные процедуры, применявшиеся на отдельных исторических этапах.

Подсистемы правового механизма находятся в отношениях прямой и обратной связи. Прямые связи обеспечивают подчинение институциональной и функциональной подсистем правоустанавливающим документам. Правоустанавливающая подсистема формирует правовые основания и компетенцию органов, осуществляющих охрану. Институциональная подсистема посредством деятельности соответствующих органов реализует охранительные процедуры. Такое взаимодействие поддерживает целостность рассматриваемого механизма. Данный подход согласуется с доктринальными положениями общей теории правового механизма, в которой подчеркивается системное взаимодействие его основных элементов [5, с. 26]. Обратные связи обеспечивают адаптивность механизма.

Правоприменительная практика, аккумулируя опыт реализации охранительных норм, становится фактором правотворчества, корректируя содержание нормативных предписаний, а сложившиеся модели правоприменения видоизменяют деятельность институтов, перестраивая их иерархию, компетенцию и процедурные регламенты.

Таким образом, структура правового механизма охраны основ государственного строя СССР представляет собой внутренне организованное единство двух уровней и трех подсистем, связанных прямыми и обратными связями. Нормативный и ненормативный уровни определяют режим функционирования всех подсистем. Подсистемы соответствуют трем аспектам охранительного воздействия. Их взаимодействие сохраняет стабильность механизма и обеспечивает изменение содержания охранительной деятельности в зависимости от политических задач государства.

Предложенная модель описывает структуру механизма, сохранявшуюся на протяжении всего советского периода, несмотря на изменения в законодательстве, институциональном составе и правоприменительной практике. Содержание правовых норм, перечень органов и набор процедур частично менялись, но неизменным оставалось сосуществование формально-юридических и политико-идеологических регуляторов, хотя их соотношение изменялось. Это позволяет использовать предложенную модель как теоретическую основу для данного историко-правового исследования.

Как справедливо отмечено в исследованиях О.В. Хлевнюка [6, с. 8], В.А. Козлова [7, с. 13], Е.Ю. Зубковой [8, с. 7], С.В. Кодана [9, с. 204] и др. идеологические установки КПСС, резолюции и постановления партийных органов оказывали существенное влияние на деятельность советских правоохранительных органов. Формально-правовые средства, к которым относились законы, подзаконные акты и юридические процедуры, создавали правовую основу охраны, тогда как организационно-политические средства, включая партийные директивы, закрытые письма и кадровые решения, определяли реальное содержание правоприменительной деятельности.

На основе изложенного предлагается схема, визуализирующая структуру правового механизма охраны основ государственного строя СССР (рис.1).

Предложенная структура позволяет объяснить особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР прежде всего сочетание формально-правовых и организационно-политических средств воздействия на общество. Это сочетание было порождено сращиванием партийного и государственного аппаратов. Партийные органы не только определяли стратегию охранительной деятельности, но и непосредственно направляли правоприменительную практику [10, с. 24].

Охранительная деятельность была подчинена задаче воспроизводства советской системы в ее идеологическом, экономическом и социальном измерениях. Оценка общественной опасности деяний определялась не только объективными признаками составов преступлений, но и их политической оценкой как действий, подрывающих устои советской власти. Этим объясняется включение в уголовное законодательство норм с оценочными признаками, позволявшими квалифицировать как преступные деяния, прямо не предусмотренные законом, но оцениваемые как политически вредные.

Охранительная функция была направлена на поддержание стабильности всей системы социально-экономических и политических отношений, составлявших содержание советского государственного строя, а не на формальную защиту юридических предписаний. К такому выводу приходит и Д.В. Пожарский, рассмотревший осуществление охранительной функции на всех этапах развития Советского государства [11, с. 5,6].

Интенсивность охраны различных элементов государственного строя была неодинаковой и определялась их значимостью для воспроизводства советской государственности. Посягательства на политическую и государственно-территориальную основу влекли наиболее суровые санкции вплоть до высшей меры наказания за измену Родине по ст. 64 УК РСФСР¹, за шпионаж по ст. 65 УК РСФСР и за антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70 УК РСФСР).

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

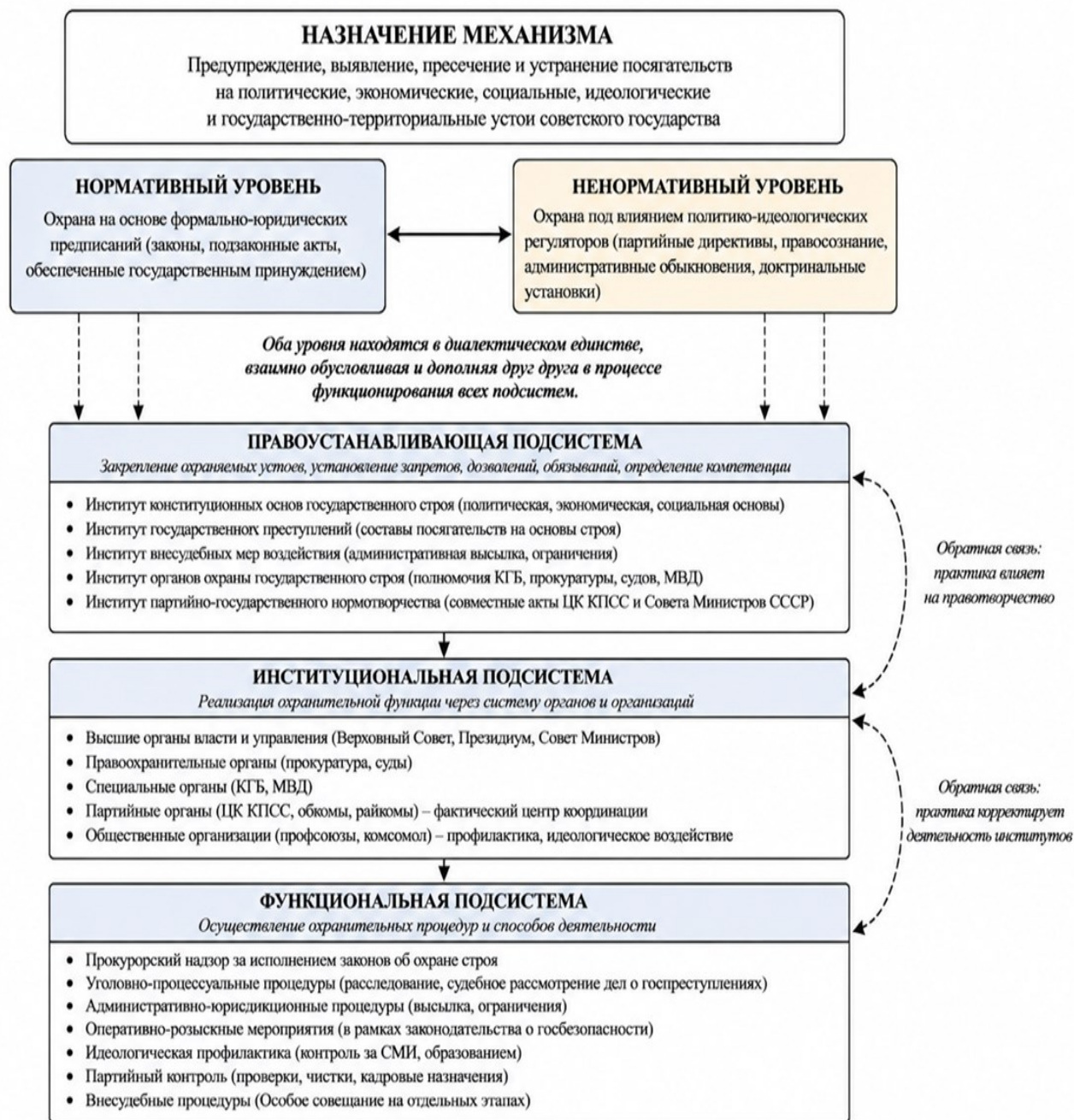

Рис. 1. Структура правового механизма охраны основ государственного строя СССР (авторская разработка)
 Fig. 1. Structure of the legal mechanism for protecting the foundations of the USSR's state system (author's own design)

Экономическая основа охранялась на основе специальных норм об ответственности за хищение государственного имущества (ст.93-95 УК РСФСР), что придавало ее охране не только имущественный, но и государственно-правовой характер. Законодатель указывал, что социалистическая собственность является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, а ее охрана была первой обязанностью органов Советской власти.

Социальная и идеологическая основы охранялись опосредованно с использованием системы мер профилактики, партийного контроля за средствами массовой информации, наукой и образованием, а также идеологической работы, направленной на формирование лояльного строя правосознания у советских граждан [12, с. 4].

Оценочные понятия являлись инструментом расширения пределов правоприменительного усмотрения. По мнению Т.В. Кашаниной, они дают возможность учитывать некоторые изменения явления без издания новых, изменения или отмены старых правовых норм, то есть путем сохранения стабильности и устойчивости права» [13, с. 32].

Связь между оценочным характером посягательств и пределами правоприменительного усмотрения носила системный характер. Как справедливо отметил Э.Е. Бершицкий: «существенными признаками оценочных категорий являются: 1) относительная определенность; 2) постепенная конкретизация их содержания; 3) тесная связь с судебским усмотрением» [14, с. 63]. Неопределенность правовой нормы создавала возможность для произвольной квалификации деяний, что объективно расширяло полномочия правоприменительных органов.

Содержание оценочных понятий не определялось законодателем исчерпывающим образом и конкретизировалось в процессе правоприменения, что соответствовало их юридической природе как особой разновидности правовых предписаний. Применительно к охране основ государственного строя такая конкретизация осуществлялась посредством официального толкования, судебной практики, а также партийно-государственных директив, определявших единые подходы к квалификации общественно опасных деяний. Опубликованные документы подтверждают, что в условиях партийного руководства правоохранительной деятельностью уголовно-правовые средства использовались для достижения политических целей [15, с. 18-25, 62, 112, 158].

Использование в уголовном законодательстве таких понятий, как «антисоветская деятельность», «клеветнические измышления» «подрыв советской власти», «интересы социалистического государства», позволяло адаптировать охрану к меняющимся политическим задачам без изменения текста закона. Это придавало механизму охраны гибкость, позволяя квалифицировать как преступные деяния, прямо не описанные в законе, если они оценивались как угрожающие основам советского строя. Особо опасные государственные преступления отличались от других общеуголовных преступлений именно антисоветским умыслом, проявляющимся в действиях, направленных против основ советского строя.

В результате механизм охраны государственного строя оказывался политико-правовым. Широта правоприменительного усмотрения при квалификации деяний, содержащих оценочные признаки, создавала возможность использования уголовно-правовых средств для реализации государственной политико-идеологической политики, что наиболее отчетливо проявлялось в периоды обострения внутривнутриполитической ситуации [16, с. 23, 24].

Особенности функционирования правового механизма охраны в союзных республиках и автономиях были обусловлены федеративным устройством СССР. Союзные республики имели собственные уголовные кодексы, но их содержание ограничивалось Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик, устанавливающих единую систему государственных преступлений и общие санкции. В этих пределах республиканские кодексы могли конкретизировать отдельные составы преступлений и процедурные нормы, но единые общесоюзные принципы охраны основ государственного строя оставались неизменными.

Как показывают документы, опубликованные в сборнике «ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945-1953», контроль центра за деятельностью региональных партийных комитетов базировался на постановлениях Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) и осуществлялся с помощью инспекций и проверок [17, с. 65, 66].

В союзных и автономных республиках координация охранительной деятельности осуществлялась партийными органами. Они обеспечивали соответствие правоприменительной практики общесоюзным политико-идеологическим установкам, в том числе определяли приоритеты борьбы с националистическими проявлениями, что находило отражение в законодательстве и правоприменительной практике республик [18, с. 8, 139].

Результаты и выводы

Разработанная структура правового механизма не является статичной. Ее элементы сохранялись на протяжении всего исследуемого периода, но их соотношение, функционирование и степень формализации изменялись под влиянием исторических условий. С учетом этих особенностей в исследовании предложена периодизация правового механизма охраны основ государственного строя СССР. Она отражает качественные изменения способов охраны основ государственного строя при сохранении общей структуры механизма.

В качестве критерия для выделения этапов избрано соотношение формально-юридических предписаний и политико-идеологических регуляторов в процессе охраны государственного строя. Оно связано с уровнем формализации охранительных процедур, в том числе наличием или отсутствием устойчивых процессуальных форм, степенью независимости судебных органов, ролью внесудебных механизмов. Формально-юридические предписания и политико-идеологические регуляторы находятся в прямой взаимосвязи, чем выше степень институционализации, тем большее значение приобретает нормативный уровень и, наоборот, чем ниже уровень институционализации, тем большее влияние оказывают ненормативные регуляторы правового механизма охраны основ государственного строя СССР.

Первый этап (1946-1957 гг.) характеризуется тем, что определяющее значение в сфере охраны государственного строя сохраняли подзаконные и ведомственные акты. Содержание охранительной деятельности определялось постановлениями Совета Министров СССР, ведомственными инструкциями и закрытыми распорядительными документами, устанавливавшими пределы правоприменительного усмотрения и критерии оценки общественной опасности деяний. Особое совещание при МГБ СССР, а затем при МВД СССР продолжало рассматривать дела в нарушение законодательства о подсудности, что свидетельствовало о сохранении внесудебных механизмов. Эти факты подтверждаются опубликованными документами [19, с. 118].

Для первого этапа характерно доминирование ненормативного уровня правовой охраны [20, с. 10,11]. Меры вводились подзаконными актами и закрытыми распоряжениями, судебный контроль отсутствовал или носил формальный характер, диспозиции ряда уголовных норм носили оценочный характер.

Вплоть до середины 1950-х г. формальные процессуальные гарантии, закрепленные в законе, не оказывали определяющего влияния на практику охраны государственного строя. Ликвидация Особого совещания в 1953 г.¹, принятие Положения о прокурорском надзоре в СССР 1955 г.² и нового Положения о Верховном Суде СССР 1957г.³, а также расширение прав союзных республик в законодательной сфере ознаменовали переход к следующему этапу, на котором законодательное регулирование стало играть существенную роль.

Второй этап (1958-1985 г.) связан с проведением второй кодификации советского права. Принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и республиканских уголовных кодексов создало формально-правовую основу охраны государственного строя. Она сохранялась с незначительными изменениями до середины 1980-х г. Уголовно-правовые запреты приобрели системный характер, процедуры получили формальное закрепление, а практика применения норм о государственных преступлениях стала устойчивой и предсказуемой.

Партийный контроль сохранялся в форме кадровых назначений, закрытых писем и совместных постановлений партийных и государственных органов. Влияние на правоприменение осуществлялось посредством кадровых назначений, закрытых писем и совместных постановлений партийных и государственных органов. Соотношение нормативного

¹ Указ Президиума Верховного Совета «Об упразднении Особого совещания при министре внутренних дел Союза ССР». 1 сентября 1953 г. // ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 57. Д. 887. Л. 68.

² Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9, ст. 222.

³ Положение о Верховном Суде СССР, утв. Законом СССР от 12.02.1957 // Ведомости ВС СССР. 1957. № 4, ст. 85.

и ненормативного уровней регуляции установилось как относительное равновесие. Формально-юридические предписания задавали общие рамки, а политико-идеологические регуляторы определяли их применение в конкретных случаях. На этом этапе механизм охраны достиг институциональной устойчивости, став неотъемлемым элементом советской политико-правовой системы [21, с. 104].

Третий этап (1985-1991 г.) совпадает с периодом перестройки. На данном этапе произошла трансформация правового механизма охраны, вызванная отказом от руководящей роли КПСС, введением многопартийности и началом процесса дезинтеграции союзного государства. Ненормативный уровень утратил системообразующий элемент – партийное руководство правоохранительными органами, который обеспечивал его реальное функционирование и координацию охранительной деятельности. Нормативный уровень формально сохранял значение, но основы государственного строя трансформировались в условиях политического кризиса, что делало невозможным применение правового механизма охраны в прежнем виде.

Структура механизма не менялась, но ее элементы теряли функциональную связь. Правоустанавливающая подсистема утрачивала внутреннюю согласованность в условиях «парада суверенитетов», функциональная подсистема утрачивала единообразие практики. К 1991 г. прежний объект охраны – основы государственного строя СССР перестал существовать, что означало прекращение действия соответствующего механизма.

Таким образом, правовой механизм охраны основ государственного строя СССР представлял собой сложную систему, объединявшую формально-юридические, организационно-политические и партийно-идеологические элементы. Его функционирование обеспечивалось взаимодействием нормативных предписаний, государственных и партийных институтов, охранительных процедур и иных институционально устойчивых регуляторов, определявших содержание правоприменительной деятельности.

Эффективность правового механизма сочеталась с его внутренней противоречивостью, заключавшейся в разрыве между нормативной моделью социалистической законности и фактической практикой охраны. Одновременное действие формально-юридических и политико-идеологических регуляторов делало охранительную деятельность в Советском государстве зависимой от политической конъюнктуры.

Разработанная структурная модель позволяет объяснить особенности функционирования правового механизма охраны основ государственного строя СССР на различных этапах его развития и служит методологической основой для последующего историко-правового анализа. Ее научно-практическая значимость заключается в том, что она позволяет:

во-первых, фиксировать изменение соотношения элементов правового механизма в конкретных исторических условиях;

во-вторых, устанавливать характер взаимодействия формально-юридических и политико-идеологических регуляторов на конкретных этапах развития правового механизма охраны основ государственного строя СССР;

- в-третьих, определять влияние изменений в политическом курсе Советского государства на правовой механизм охраны основ государственного строя.

Список источников

1. Беляева, Г. С. К вопросу о становлении понятия правового механизма / Г. С. Беляева, К. А. Белюсова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 5 (209). – С. 9–13. – DOI: 10.47643/1815-1337_2022_5_9.
2. Пряхина, Т. М. Юридическая охрана Советской конституции: государственно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Т. М. Пряхина; Саратовский юридический институт. – Саратов, 1991. – 17 с. – EDN: ZKDTED.
3. Шульженко, Ю. Л. О понятии «правовая охрана Конституции» // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 5–12. – EDN: MPKWUP.

4. Исакова, М. К. Механизм советского общенародного государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М. К. Исакова. – Саратов, 1984. – 199 с. – EDN: NPCZDL.
5. Алексеев, С. С. Общая теория права: курс в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – Москва: Юридическая литература, 1982. – 359 с. – EDN: VNC GTX.
6. Хлевнюк, О. В. Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е годы: механизмы политической власти в СССР: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / О. В. Хлевнюк; МГУ. – Москва, 1996. – 44 с.
7. Козлов, В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.) / В. А. Козлов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – 413 с. – (Архив новейшей истории России. Исследования; Вып. 1). – ISBN 5-87550-083-2.
8. Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 229 с. – EDN: RCGWBB.
9. Кодан, С. В. С. С. Алексеев о месте и роли КПСС в правовом развитии советского общества // Российский юридический журнал. – 2015. – № 3 (102). – С. 203–209. – EDN: LREKUE.
10. Корельский, В. М. Об особенностях и значении норм, содержащихся в совместных постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР / В. М. Корельский // Правоведение. – 1965. – № 2. – С. 23–28.
11. Пожарский, Д. В. Охранительная функция Советского государства: становление и развитие конституционных основ / Д. В. Пожарский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 4 (18). – С. 4–8. – EDN: QZWYFZ.
12. Лунев, В. В. Охрана социалистической собственности как функция советского общенародного государства и роль органов внутренних дел в её реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В. В. Лунев; Московская высшая школа милиции МВД СССР. – Москва, 1989. – 24 с. – EDN: UPMWUJ.
13. Кашанина, Т. В. Оценочные понятия в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т. В. Кашанина. – Свердловск, 1974. – 185 с. – EDN: THFYKJ.
14. Бершицкий, Э. Е. Правовая определённость и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права / Э. Е. Бершицкий. – Москва: М-Логос, 2021. – 154 с. – ISBN 978-5-6043338-7-7. – EDN: JIZWBS.
15. Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС / Архив национальной безопасности при Университете Джорджа Вашингтона, Московская Хельсинкская группа; подгот. текста и коммент. А. А. Макаров, Н. В. Костенко, Г. В. Кузовкин. – Москва: Московская Хельсинкская группа, 2006. – 282 с. – ISBN 5-98440-034-0.
16. Хлевнюк, О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 478 с. – ISBN 978-5-8243-1314-7.
17. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов [и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 496 с. – ISBN 5-8243-0570-6.
18. Региональная политика Н. С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк [и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 774 с. – ISBN 978-5-8243-1065-8.
19. Политбюро и органы государственной безопасности: сборник документов: к 100-летию образования ВЧК / под общ. ред. О. Б. Мозохина; сост., вступ. ст., коммент. О. Б. Мозохина. – Москва: Кучково поле, 2017. – 800 с. – ISBN 978-5-9950-0862-0.
20. Шатковская, Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20–30-х годов XX века как попытка юридизации неправовой реальности / Т. В. Шатковская // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 16–20. – EDN: YVMSPV.
21. Шатковская, Т. В. Модель общенародного государства как историческая альтернатива правовому государству в России / Т. В. Шатковская // Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений: сборник научных статей по итогам II Всероссийского форума историков права, приуроченного к 135-летию со дня рождения Серафима Владимировича Юшкова (Санкт-Петербург, 8–10 июня 2023 г.). – Санкт-Петербург: Астерион, 2023. – С. 98–105. – EDN: BSOJQB.

References

1. Belyaeva G.S., Belousova K.A. On the formation of the concept of a legal mechanism. *Law and State: Theory and Practice*. 2022;(5(209)):9–13. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2022_5_9. EDN: URZDNM.
2. Pryakhina T.M. *Legal protection of the Soviet Constitution: state-legal aspect* [dissertation]. Saratov: Saratov Law Institute; 1991. 182 p. (In Russ.). EDN: ZKDTED.
3. Shulzhenko Yu.L. On the concept of “legal protection of the Constitution”. *State and Law*. 2002;(7):5–12. (In Russ.). EDN: MPKWUP.

4. Iskakova M.K. *The mechanism of the Soviet state of the whole people* [dissertation]. Saratov; 1984. 199 p. (In Russ.). EDN: NPCZDL.
5. Alekseev S.S. *General theory of law: in 2 vols. Vol. 2.* Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1982. 359 p. (In Russ.). EDN: VNCCTX.
6. Khlevnyuk O.V. The Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the 1930s: mechanisms of political power in the USSR [dissertation abstract]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1996. 44 p. (In Russ.).
7. Kozlov V.A. *Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 to the early 1980s).* Novosibirsk: Sibirskii Khronograf; 1999. 413 p. (In Russ.). ISBN 5-87550-083-2.
8. Zubkova E.Yu. *Post-war Soviet society: politics and everyday life, 1945–1953.* Moscow: ROSSPEN; 2000. 229 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0069-0. EDN: RCGWBB.
9. Kodan S.V. S. S. Alekseev on the place and role of the CPSU in the legal development of Soviet society. *Russian Juridical Journal.* 2015;(3(102)):203–209. (In Russ.). EDN: LREKUE.
10. Korelsky V.M. On the features and significance of the norms contained in joint resolutions of the CPSU Central Committee and the USSR Council of Ministers. *Pravovedenie.* 1965;(2):23–28. (In Russ.).
11. Pozharsky D.V. Protective function of the Soviet state: formation and development of constitutional foundations. *Legal Science and Law Enforcement Practice.* 2011;(4(18)):4–8. (In Russ.). EDN: QZWYFZ.
12. Lunev V.V. Protection of socialist property as a function of the Soviet state of the whole people and the role of internal affairs bodies in its implementation [dissertation abstract]. Moscow: Higher Police School of the USSR Ministry of Internal Affairs; 1989. 24 p. (In Russ.). EDN: UPMWUJ.
13. Kashanina T.V. *Evaluative concepts in Soviet law* [dissertation]. Sverdlovsk; 1974. 185 p. (In Russ.). EDN: THFYKJ.
14. Bershitsky E.E. Legal certainty and evaluative categories: a brief essay based on offenses in various branches of law. Moscow: M-Logos; 2021. 154 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6043338-7-7. EDN: JIZWBS.
15. Makarov A.A., Kostenko N.V., Kuzovkin G.V., compilers. *Power and dissidents: documents of the KGB and the CPSU Central Committee.* Moscow: Moscow Helsinki Group; 2006. 282 p. (In Russ.). ISBN 5-98440-034-0.
16. Khlevnyuk O.V. *Master of the house: Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship.* Moscow: ROSSPEN; 2010. 478 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1314-7.
17. Denisov V.V., et al., compilers. The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and regional party committees, 1945–1953. Moscow: ROSSPEN; 2004. 496 p. (In Russ.). ISBN 5-8243-0570-6.
18. Khlevnyuk O.V., et al., compilers. Regional policy of N. S. Khrushchev: the CPSU Central Committee and local party committees, 1953–1964. Moscow: ROSSPEN; 2009. 774 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8243-1065-8.
19. Mozokhin O.B., editor and compiler. *The Politburo and state security bodies: collection of documents for the 100th anniversary of the Cheka.* Moscow: Kuchkovo Pole; 2017. 800 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9950-0862-0.
20. Shatkovskaya T.V. Theoretical constructions of Soviet jurists of the 1920s–1930s as an attempt to juridicize non-legal reality. *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University.* 2021;8(4):16–20. (In Russ.). EDN: YVMSPV.
21. Shatkovskaya T.V. The model of the state of the whole people as a historical alternative to the rule-of-law state in Russia. In: Historical and legal science in search of new methodological solutions: proceedings of the 2nd All-Russian Forum of Legal Historians; 2023 Jun 8–10; Saint Petersburg. Saint Petersburg: Asterion; 2023. p. 98–105. (In Russ.). EDN: BSOJQB

Информация об авторе

А.С. Бердичевская – аспирантка кафедры теории и истории права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

A. S. Berdichevskaya - Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 29.06.2026; одобрена после рецензирования 06.08.2026; принята к публикации 10.08.2026. The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 06.08.2026; accepted for publication 10.08.2026.